

УДК 94 (430).087у
DOI: 10.17223/19988613/55/15

А.Н. Сорокин

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АДЕНАУЭРА

Выделяются основные приоритеты внешней политики первого федерального канцлера ФРГ. Анализируется место Советского Союза во внешнеполитической концепции Конрада Аденауэра. Рассматриваются основные представления Аденауэра о Советском Союзе, его внутренней и внешней политике. Выделяются представления канцлера об экспансионистском характере советской внешней политики, приводятся их основные обоснования. Анализируются стратегические установки, ожидания Аденауэра относительно советской внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ; Конрад Аденауэр; холодная война.

Федеративная Республика Германия как государство возникла как продукт холодной войны, поэтому изначально уже имела прозападный, что в то время означало антисоветский, вектор развития. Первым главой западногерманского государства стал Конрад Аденауэр (1949–1963), который вошел в историю ФРГ как канцлер западной интеграции. На время его правления приходится вхождение ФРГ в европейские и трансатлантические интеграционные объединения и союзы.

Отношения ФРГ с Советским Союзом резко контрастировали с кооперационной западной политикой Аденауэра. Первый федеральный канцлер воспринимал расширение советской сферы влияния в Европе как угрозу, для сдерживания которой была необходима консолидированная оборонительная позиция сплоченного и сильного Запада. Антисоветская риторика, отказ от советских инициатив по воссоединению Германии и тупик в германском вопросе, неутешительным символом которого стало возведение Берлинской стены, отсутствие значимого прямого конструктивного взаимодействия СССР–ФРГ, за исключением восстановления дипломатических отношений и возвращения на родину последних немецких военнопленных, – таков баланс восточной политики Аденауэра. Не следует, конечно, забывать, что позиция Западной Германии очень сильно зависела от политики западных союзников, а канцлерство Аденауэра во многом пришлось на период наивысшего обострения холодной войны. Тем не менее ограниченной возможностью для маневра ФРГ, особенно после формального восстановления суверенитета в 1955 г., обладала. В немецкой исторической науке обоснованно господствует точка зрения, согласно которой в системе канцлерской демократии Конрад Аденауэр безраздельно владел приоритетом в разработке и осуществлении внешней политики. В этой связи первостепенное значение приобретает изучение внешнеполитических взглядов Аденауэра, которые помогли бы объяснить сугубо прозападную ориентацию, антисоветский курс, отклонение проектов воссоединения. Внешнеполитическую концепцию Аденауэра при этом можно определить как совокупность его взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики ФРГ.

Конрад Аденауэр, возглавив ФРГ в преклонном возрасте 73 лет, имел за плечами долгие прожитые годы. «Немец четырех эпох», он вырос и сложился как личность и политик в Германской империи, управлял Кёльном в период Веймарской республики, был свидетелем господства национал-социализма и, наконец, возглавил Западную Германию после Второй мировой войны [1]. Поэтому формирование его внешнеполитической концепции в историографии ФРГ рассматривается как результат исторического опыта. Как констатирует известный немецкий историк А. Дёринг-Мантойффель, «его основные политические убеждения были, в конце концов, концентрированным и очищенным от мусора текущей политики опытом, который он получил в течение своей жизни под углом своего мировоззрения» [2. S. 31].

Самый признанный в ФРГ историк-исследователь Аденауэра, Г.-П. Шварц, выделяет 5 главных факторов, с учетом которых, по мнению первого федерального канцлера, должна была выработываться западногерманская внешняя политика: «1) упадок Европы и связанный с этим подъем двух супердержав – СССР и США; 2) стремление к экспансии и власти коммунистических держав, в первую очередь Советского Союза, а также Китая и вообще разнообразных коммунистических движений, включая режим ГДР; 3) политическое и мировоззренческое противостояние между тоталитарно-коммунистическими и свободными государствами – холодная война; 4) структурные слабости свободных демократий; 5) роковое течение новейшей истории» [3. S. 79].

«Решающим опытом» Г.-П. Шварц называет осознание упадка Европы и отмечает некую ностальгию Аденауэра по европейскому доминированию до 1914 г. Причины падения Европы налицо: европейские державы ослабили друг друга в двух мировых войнах и этим создали условия для подъема двух держав-гегемонов: СССР и США. Деколониацию он также понимал в контексте потери власти Европой. Длительная разобщенность привела к зависимости европейского мира от неевропейских государств, к которым Аденауэр причислял и Советский Союз. Эта политическая и экономическая зависимость таила для Аденауэра угрозу

европейской культуре, основам «христианского Абенд-ланда» [3. S. 79–80].

Действительно, во многих выступлениях Аденауэра начиная с 1948 г. прослеживается эта линия, об этом он говорил и в последней официальной речи 16 февраля 1967 г. в Мадриде. Аденауэр сравнивал ситуацию 1900 и 1960 гг., сожалея об утрате Европой своих позиций: «В 1900-е гг. политические процессы в мире управлялись из Европы. Европейские великие державы Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Испания и другие европейские страны играли решающую роль в осуществлении этой политики» [4. S. 239].

Приоритет во внешнеполитической концепции Аденауэра, безусловно, отдавался включению ФРГ в западную систему союзов. Западная Европа выступала при этом как основной экономический и политический партнер, США – прежде всего как гарант безопасности и главный привилегированный союзник Европы. Что касается восточного направления, то здесь Аденауэр исходил из экспансионистского характера внешней политики СССР в отношении Европы вообще и ФРГ в частности. Отсюда «антисоветская» установка, которая наложила отпечаток на концепцию Аденауэра. В условиях конфликта Восток–Запад он испытывал постоянное беспокойство по поводу того, что Советскому Союзу за счет дипломатических маневров, политико-военного давления и внутренней подрывной деятельности на Западе удастся втянуть ФРГ, а может быть, и всю Западную Европу, в сферу своего господства [5].

Немецкие историки выделяют так называемый «потсдамский комплекс» Аденауэра, т.е. боязнь перед новой изоляцией Германии. Этимология здесь восходит к Потсдамской конференции, на которой судьба Германии решалась без ее участия антигерманской коалицией ведущих мировых держав. Поэтому Аденауэр с опаской относился к конференциям четырех держав, двусторонним встречам СССР–Франция или СССР–США. В подобных контактах он видел угрозу западной интеграции с участием ФРГ. Сам Аденауэр следующим образом выразился по этому поводу: «Бисмарк говорил о своем кошмаре коалиций против Германии. У меня тоже есть свой кошмар: он называется Потсдам. Опасность общей политики великих держав в ущерб Германии существует с 1945 г. и также продолжила существовать после основания Федеративной Республики. Внешняя политика ФРГ с самого начала была направлена на то, чтобы выбраться из этой зоны опасности. Германия не должна оказаться между жерновов, тогда она пропала» [6. S. 186].

Германская политика играла в ФРГ особую роль. Достижение воссоединения Германии декларировалось политической элитой страны как высшая цель внешней политики. Показательно в этом смысле, например, заявление вице-президента бундестага, члена СДПГ Карло Шмидта: «Правительство и оппозиция едины в том, что объединение Германии есть высшая цель любой немецкой внешней политики, и ничто не сможет

сделать достижение этой цели невозможным» [7. S. 4]. ФРГ создавалась как временное образование, до восстановления единства. Воссоединение страны стало для ФРГ конституционным наказом. Преамбула Основного закона 1949 г. гласила: «Весь немецкий народ призывается завершить объединение и освобождение Германии в порядке свободного самоопределения» [8. С. 9]. Аденауэр не раз высказывался в подобном ключе. В одной из речей 1950 г. он провозглашал: «Восстановление единства Германии – наша величайшая цель, которую мы никогда не упускаем из вида и которую мы – в этом я твердо убежден – также и достигнем. К нашим немецким братьям и сестрам в Восточной зоне зываю я отсюда, из Гослара: крепитесь и надейтесь на нас. Мы снова будем вместе» [9. S. 191].

Углубленный анализ внешнеполитической концепции и практики первого федерального канцлера дает другую картину. Г.-П. Шварц определяет главные цели внешней политики Аденауэра как триаду: свобода, мир, единство. Приоритет однозначно принадлежал обеспечению свободы в смысле западных демократических ценностей, что в глазах Аденауэра было автоматически связано с продвижением западной интеграции. Последняя может пониматься и как инструмент, и как цель внешней политики [3. S. 85]. Также Аденауэр придавал большое значение сохранению мира, гарантию которого он видел и в наличии собственных боеспособных вооруженных сил в рамках западного оборонительного союза [10. S. 68]. Он любил цитировать высказывание Дж.Ф. Даллеса о том, что государство без вооруженных сил – не самостоятельное государство, в лучшем случае протекторат.

Касаясь последнего компонента триады, Г.-П. Шварц пишет: «В конце концов он так же рассматривал и воссоединение – согласно знаменитой формуле «в мире и свободе» – как главную цель своей политики. Но она была четко подчинена обеспечению свободы (и тем самым западной интеграции) и обеспечению мира» [3. S. 86]. Таким образом, ведущий исследователь внешнеполитической концепции первого федерального канцлера констатирует подчиненное, не ключевое значение воссоединения среди основных внешнеполитических целей Аденауэра. А. Дёринг-Мантойффель отмечает, что представление о подчиненном характере германской политики Конрада Аденауэра, закрепившееся в историографии ФРГ, восходит именно к интерпретации Г.-П. Шварца [2. S. 104]. Ни один из историков ФРГ не рассматривает воссоединение как главную, приоритетную цель внешней политики Аденауэра. Х. Хафтендорн считает западную интеграцию доминирующей структурой политики безопасности Конрада Аденауэра [11. S. 69-73]. По ее мнению, воссоединение без вхождения в западную систему союзов не стояло на повестке дня [Ibid. S. 78]. Г. Нидхарт отмечает, что «приоритет внешней политики Аденауэра заключался не в восстановлении немецкого единства, а в консолидации западного государства как равноправного партнера в западном союзе» [12. S. 813].

Таким образом, воссоединение любой ценой не рассматривается в историографии ФРГ в качестве первоочередной и важнейшей задачи внешней политики Аденауэра. Точнее, как формулирует Г.-П. Шварц, Аденауэр «не был заинтересован в воссоединении, которое вырывало бы Германию из тесной связи с Западом» [3. S. 101]. Приоритет в его внешней политике Г.-П. Шварц отводит защите Западной Германии от советского проникновения, преодолению внешнеполитической изоляции, возвращению политической свободы действий ФРГ и безвозвратной экономической, политической и военной интеграции немецкого государства в западноевропейское сообщество государств [Ibid]. Западная интеграция, по мнению Аденауэра, со временем должна была способствовать уходу Советского Союза из ГДР, т.е. обеспечить воссоединение.

Итоги Второй мировой войны кардинальным образом изменили международную обстановку и соотношение сил. Превращение Советского Союза в супердержаву, создание социалистического блока государств в Восточной Европе и распространение коммунистической идеологии в мире – все это Аденауэр воспринимал как советскую угрозу.

Можно выделить две составляющие убеждений Аденауэра, которые в итоге вылились в жесткий антисоветский курс. С одной стороны, он прагматично пытался использовать фактор «советской угрозы» для интеграции ФРГ в западное сообщество и продвижения собственной партии во внутренней политике. Наличие внешнего врага способствовало включению ФРГ в западные интеграционные объединения и консолидации западногерманского общества вокруг партии и фигуры первого федерального канцлера. С другой стороны, Аденауэр действительно опасался роста влияния СССР после Второй мировой войны.

В своих умозаключениях он постоянно проводил аналогии между царской Россией и Советским Союзом. Главной чертой внешней политики обоих государств являлось, по его мнению, стремление к экспансии, расширению территории и сферы влияния. Г.-П. Шварц называет понимание политики СССР как продолжения экспансионистской политики царизма типичным для немцев «стереотипом бюргерского сознания» [Ibid. S. 80]. Корнями эти представления Аденауэра уходят в кайзеровскую эпоху. Г.-П. Шварц воспроизводит взгляд на Россию немецкой буржуазии 1880-1890-х гг., который прочно вошел в сознание Аденауэра: «Царская империя – автократически управляемый колосс, экспансионистский, неустойчивый паровой коток, который может быть остановлен только за счет превосходящей силы и за счет выигрешной политики союзов» [13. S. 148]. Аденауэр часто употреблял выражение «русский колосс».

Он подчеркивал традиционно завоевательный характер русской политики: «Цель русских была однозначна. Россия... вела натиск на Запад, натиск для захвата или покорения новых областей в Европе» [6. S. 148; 14. S. 27]. Это мнение Аденауэра как представителя

немецкой политической элиты в полной мере отражает вековой страх и недоверие Запада в отношении России. В то время как для СССР исторически «дранг нах остен» был содержанием и символом немецкой политики на востоке, Аденауэр видел основной целью русской и советской политики в Европе «дранг нах вестен».

Идеологическим обоснованием русской экспансии Аденауэр считал панславизм, после 1917 г. – коммунизм: «Россия... вела постоянный экспансионистский натиск. Он получал помощь и поддержку последние два столетия за счет панславизма, а после революции 1917 г. – за счет коммунизма» [15. S. 201]. В своих «Воспоминаниях» он передает содержание беседы с индийским премьером Дж. Неру 14 июля 1956 г. В этом разговоре федеральный канцлер, касаясь политической ситуации в мире, дает свою характеристику супердержавам США и СССР: «В отличие от Соединенных Штатов, Россия опирается на очень продолжительную историю. Эту историю нужно знать, если хочешь понять русскую политику...

На протяжении столетий в русской истории просматриваются определенные тенденции, например активная политическая экспансия и натиск на Азию и Запад с намерением установить русскую власть над другими народами. Это не специфическая особенность сегодняшнего режима, такая тенденция существовала еще при царях. Я говорил о сильных исторических связях и указал, что цари рассматривали себя наследниками восточноримских императоров, которые, в свою очередь, простирали свои гегемонистские притязания на весь известный в то время мир. Через Восточноримскую империю и различные браки это притязание распространить свое господство на весь мир перешло к царям. Панславистская идея, по моим впечатлениям, – более сильный момент, чем коммунистическая идея. Коммунизм служит только панславизму. Я вспоминаю в этой связи собственные наблюдения в Москве, где воспоминания о царях и русской истории хранятся бережнее, чем о Ленине и во время моего визита о Сталине» [16. S. 183].

Такие выводы Аденауэр делал из русской истории. Подтверждение своих взглядов он находил в некоторых работах о Советском Союзе западногерманских авторов. Особым вниманием он удостоил книгу Дитера Фриде «Русский перпетуммобиле», ее в беседе с журналистами канцлер назвал «лучшим произведением по русской истории, которое я знаю» [17. S. 69]. Аденауэр неоднократно рекомендовал эту книгу для чтения собеседникам, чтобы те могли понять вековые экспансионистские тенденции русской и советской политики. Произведение Фриде было преподнесено им в подарок, в частности, Дж. Кеннеди. Автор книги в 1945 г. работал в Берлине как свободный журналист. Затем он был задержан советскими властями и насильно удерживался в советской зоне до 1955 г. Вероятно, личная судьба автора сильно повлияла на резкость его оценок. Фриде отстаивал тезис, что советская экспансия идентична агрессивной политике царей [18].

В отличие от царской России Аденауэр воспринимал СССР как неевропейскую державу, «как полную противоположность западноевропейскому миру... ужасающую силу с совсем другим духом и образом мысли» [19. S. 102]. Распространение влияния СССР на Европу означало для него угрозу европейским устоям, традициям, культуре – всему, что олицетворяло Европу. В своих выступлениях, говоря о СССР, Аденауэр поддерживал и подчеркивал этот образ врага, несущего угрозу Европе. Негативная эмоциональная оценка СССР как азиатской, чуждой и враждебной державы была особенно характерна для Аденауэра в первые годы после окончания Второй мировой войны и создания ФРГ. В одном из писем 1946 г. Аденауэр взывал: «Опасность велика. Азия стоит на Эльбе» [Ibid. S. 102].

В своих «Воспоминаниях» Аденауэр следующим образом оценил советскую экспансию с 1940 г.: «Советская Россия подчинила себе в эти годы огромную область, частично путем прямой агрессии, частично путем превращения соответствующей страны в зависимое от России государство-сателлит. При проведении этих мероприятия действовал всегда один рецепт: сначала создание пятой колонны в соответствующей стране, состоящей из слепо подчиняющихся Советскому Союзу, способных к любому насилию людей, одновременно – запугивание и паралич противостоящих Советскому Союзу кругов за счет любых видов террора, выборы с единым списком, формирование зависимого от Советской России правительства за счет парламента, появившегося на основе так называемых единых выборов. Таким методом Советский Союз присоединил в 1940 г. Литву, Латвию и Эстонию, подчинил своему господству как государства-сателлиты: в 1945 г. Албанию и Югославию, в 1948 г. Румынию, Чехословакию и Северную Корею, в 1949 г. Болгарию, Польшу и Венгрию, в 1950 г. Маньчжурию. В советской зоне Германии Советский Союз создал государство-сателлит по обычной методике» [20. S. 375].

Однако после прямого контакта с советским руководством в 1955 г. и, главное, после закрепления ФРГ в системе западных союзов Аденауэр уже так не подчеркивал «азиатскую» сущность Советского Союза. Десталинизацию, приход к власти Хрущева он расценивал не как начало новой эпохи, а как «борьбу диадохов», внутренний конфликт. Сущность внешней политики СССР от этого не менялась. Согласно Шварцу, Аденауэр понимал десталинизацию «в первую очередь как борьбу за власть одинаково тоталитарных, внешнеполитически более или менее опасных групп» [3. S. 91–92]. Нестабильность ситуации от этого не становилась меньше, внешняя политика Москвы казалась еще более непредсказуемой. Разговоры Советского Союза о необходимости сокращения вооружений и мирного сосуществования Аденауэр оценивал как тактические ходы в процессе продолжения все той же экспансионистской политики. По его мнению, то, что некоторые западные политические деятели и часть общественности понимали как субстанциональные улучшения, было лишь жестами,

которые ничего не стоили. В письме Дж.Ф. Даллесу от 25 июля 1955 г. он так характеризует ситуацию: «С окончанием Женевской конференции мы вступили в новую фазу отношений Восток–Запад, которая таит не меньше опасностей, чем предыдущая. Мы должны в большей мере считаться с маневрами по разрядке Советов, которые направлены на то, чтобы обмануть общественное мнение наших стран по поводу истинных целей Советского Союза, усыпить наши народы и этим одновременно размягчить силу сопротивления и сплоченность Запада и разрушить его единство. Я думаю, сегодня больше, чем когда-либо, необходимы бдительность и сотрудничество западных правительств, чтобы действительно противостоять этой русской тактике» [15. S. 472].

Обличительная риторика Аденауэра, в которой СССР представлялся как «самое агрессивное коммунистическое государство», а русские – как «самый воинственный народ последнего столетия», соседствовала с трезвым суждением, что от Советского Союза в настоящем не исходит прямой военной опасности [19. S. 108]. Аденауэр считал конфликтный образ действий СССР во внешней политике рационально контролируемым и также контролируемым со стороны Запада. Рациональное поведение и страх риска со стороны Советского Союза не приводили, однако, к успокоению Аденауэра, ибо эти факторы, по его мнению, свидетельствовали лишь об ограниченных силовых возможностях, а не о настоящем стремлении к политике сохранения мира. В «Воспоминаниях» 1955–1959 гг. Аденауэр заключает: «Опасность вооруженного конфликта была с некоторого времени сдерживаема русскими; не нам, свободным народам, в угоду, а в угоду себе» [16. S. 140].

К тоталитарному образу Советского Союза прибавлялось отношение Аденауэра к его лидеру, с которым канцлеру пришлось иметь дело. В «Воспоминаниях» он дает такую оценку Н.С. Хрущеву: «Хрущев был человеком большой жизненной энергии, даже брутальности, я сам узнал это в Москве. Он был гораздо эмоциональнее, чем Булганин. Булганин обладал холодной жесткостью, насколько это можно оценить, Хрущев – страстной, живой, вулканической жесткостью. Диктаторски управляемое государственное образование, которое испытывает большие внутренние сложности, – это, безусловно, относилось к Советскому Союзу – с таким человеком как Хрущев во главе, таило в себе, конечно, большую опасность для развития внутри и во вне, чем если бы им руководил более холодный человек, который спокойно оценивает вещи» [Ibid. S. 113].

Узнав о свержении Хрущева в 1964 г., Аденауэр так вспомнил о нем в беседе с личным секретарем: «Ловкий человек, без сомнения. Умный, хитрый и очень искусный. При этом грубый, без комплексов, должен сказать. У человека были грубые манеры, поэтому нельзя было трусливо жаться, поэтому нужно было платить той же монетой» [21. S. 166].

Аденауэр не был готов к уступкам со стороны ФРГ и Запада Советскому Союзу. Действительная разрядка

напряженности, изменение международной ситуации, которые могли принести и воссоединение Германии, виделись ему возможными лишь после отказа СССР от своей экспансионистской политики, ухода из ГДР и желательного из всей Восточной Европы [22. S. 18–22]. Канцлер верил, что однажды это произойдет. Аденауэр полагал, что Советский Союз перед лицом силы Запада вспомнит о собственных проблемах и вынужден будет обратиться вовнутрь. Эти мысли постоянно повторяются в размышлениях и разговорах Аденауэра с 1952 г. и до последних лет канцлерства. В частности, воспоминания и архив Аденауэра фонда «Дом федерального канцлера Конрада Аденауэра» (в разделе «Протоколы бесед с ведущими зарубежными политиками») содержат немало свидетельств подобного рода. Можно систематизировать подобные предположения, или ожидания, Аденауэра в две большие группы.

1. Внутренние факторы. Канцлер был убежден, что советская экономика находится под сильным внутренним давлением. Рано или поздно, как он полагал, в СССР наступит экономический кризис. Он подчеркивал потребность советской экономики в западном капитале и западных технологиях и врожденные слабости плановой системы. Наряду со многими советологами Аденауэр считал, что недостаточно развитое промышленное производство, особенно товаров народного потребления и в жилищном секторе, могут вынудить московское руководство радикально перестроиться. Внутриэкономическая ситуация и требование населением улучшения своего жизненного стандарта окажут в долгосрочной перспективе давление на советскую программу вооружений, вынудят к сотрудничеству с Западом. Общая политика разоружения покажется соблазнительнее, что приведет московское руководство к курсу на разрядку. Возвращаясь к своим впечатлениям от визита в Москву, Аденауэр утверждал итальянскому министру иностранных дел в 1956 г., что России нужен мир, так как «социальное положение в России плохое», не хватает жилья, продовольствия, люди плохо одеты, подавлены [23]. На встрече с американским послом в 1958 г. Аденауэр отмечал, что Хрущев хочет иметь успех в глазах русской общественности и для этой цели «должен консолидировать внутреннее положение и поднять жизненный стандарт населения». Он не мог сделать этого, по мнению канцлера, с поддержанием настоящего состояния гонки вооружений [24].

2. Внешние факторы. Аденауэр видел в стремлениях Югославии к самостоятельности, в венгерских и польских событиях 1956 г. признаки растущей напряженности в Восточном блоке [6. S. 160–167]. В беседе с Дж. Неру в 1956 г. Аденауэр, например, заметил, что «события в Венгрии доказали, что международный коммунизм потерпел поражение» [23]. Самый значительный вес во внешнеполитической концепции Аденауэра имела его так называемая «китайская теория», которая активно пропагандировалась им с середины 1950-х гг. и до конца канцлерства. В ее основе лежало убеждение, что

латентная напряженность между Москвой и коммунистическим Китаем рано или поздно станет детерминантом советской внешней политики, побудит Москву к компромиссной позиции по отношению к Западу, отказу от экспансии в Европу. Важнейшую роль сыграл неофициальный разговор с Хрущевым на даче в сентябре 1955 г., где последний выразил опасения по поводу Китая. Впоследствии Аденауэр очень часто возвращался к этому разговору в своей аргументации. В «Воспоминаниях» он так описывает ситуацию на сентябрьских переговорах 1955 г.: «Беспокойство перед Красным Китаем четко звучало в разговорах... Хрущев снова начал говорить о Красном Китае. Он назвал Красный Китай самой большой проблемой. “Представьте себе, в Красном Китае сегодня уже свыше 600 миллионов человек. Ежегодно добавляется еще двенадцать миллионов. Все они люди, которые живут горстью риса. Что станет, – и при этом он всплеснул руками, – что станет из этого?” Я подумал: дорогой друг, ты будешь однажды очень рад, если тебе больше не надо будет держать войска на Западе! Хрущев сказал довольно неожиданно: “Мы можем решить эту задачу! Но это очень тяжело. Поэтому я прошу Вас, помогите нам. Помогите нам справиться с Красным Китаем”» [15. S. 527–528]. Официально же во время московских переговоров 1955 г. вопрос о Китае затронут не был, о чем свидетельствуют протоколы бесед [25].

Впоследствии Аденауэр часто вспоминал этот разговор на даче, он произвел на него глубочайшее впечатление: Хрущев просил помощи канцлера ФРГ против Китая. Конфликт СССР с Китаем для Аденауэра – вопрос времени, их противоречия фундаментальны. «Однажды эта великая Россия будет противостоять огромной Азии, прежде всего Китаю. В коммунизме нет места для двух повелителей. Китай претендует на господство» [4. S. 131]. Аденауэр постоянно презентовал свои размышления о неминувости советско-китайского конфликта и влиянии этого фактора на советскую политику своим собеседникам, что показывает, насколько серьезно он в это верил. Например, в 1958 г. канцлер высказывает осторожный оптимизм относительно приостановки советской экспансии на Запад при встрече с канадским премьер-министром. Причина оптимизма – большие внутренние сложности Советского Союза и «развитие красного Китая, что русским стало по-настоящему неприятно» [24]. Посланнику США по особым поручениям Харриману Аденауэр в 1961 г. говорит, что «Советы больше боятся Китай, чем американцев» [Ibid.]. Во время беседы с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» в 1962 г. Аденауэр называет одной из главных задач СССР противостояние амбициям Китая, которые становятся все очевиднее [26].

Таким образом, в комплексе убеждений Аденауэра в отношении Советского Союза можно выделить как пронизательные, трезвые оценки, так и аффективные предубеждения. В его взглядах соседствовали представления об «азиатской» воинственной державе и

о рациональной, не нацеленной на вооруженный конфликт советской политике, о несоответствии между военной и экономической мощью Советского Союза и о неминуемости глобального конфликта двух коммунистических экспансионистских колоссов – СССР и Китая.

Аденауэр не рассматривал СССР как равноправную великую державу, стремящуюся к признанию в рамках сложившегося международного баланса сил. Канцлер видел в советской политике константный экспансионистский натиск. Можно выделить две составляющие, из которых Аденауэр выводил агрессивный характер внешней политики СССР: традиционное русское

стремление к расширению территории и заявка коммунизма на мировое господство. Советский Союз представлялся канцлеру как чуждое, враждебное образование, «азиатская диктатура». Разрядка напряженности в холодной войне, по его мнению, могла быть достигнута не путем взаимных уступок, а в результате сдачи СССР своих позиций, отказа от экспансии на Запад. Предпосылки свертывания наступательной советской политики Аденауэр видел в необходимости решения внутренних проблем (несоответствие военной мощи и уровня жизни населения, балласт гонки вооружений) и в растущих противоречиях с Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петелин В.Б. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169.
2. Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt: WissenschaftlicheBuchgesellschaft, 1983. 279 S.
3. Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien I. Mainz : Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 71–108.
4. Adenauer K. Erinnerungen 1959–1963. 3. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1983. 375 S.
5. Синдеев А.А. От мировой войны к европейскому миру под эгидой Германии («Проект Аденауэра»). М. : ЛКИ, 2010. 255 с.
6. Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn : Europa-Union-Verlag, 1976. 438 S.
7. Von Adenauer zur Grossen Koalition. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland 1956–1966. Eine Dokumentation. Bonn : InterNationes, 1996. 198 S.
8. Шварцкопф Д., Врангель О. Шансы Германии. Политика без иллюзий. М. : Прогресс, 1966. 230 с.
9. Adenauer K. Reden 1917–1967. Eine Auswahl / Hrsg. von H.-P. Schwarz. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 495 S.
10. Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München / Wien : Oldenbourg, 1969. 492 S.
11. Haftendorf H. Sicherheit und Entspannung: zurAussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1983. 767 S.
12. Niedhart G. Außenpolitik in der Ära Adenauer // Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50-er Jahre. Bonn : Dietz, 1993. S. 805–818.
13. Schwarz H.-P. Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. 1021 S.
14. Adenauer K. Teegespräche 1959–1961. Berlin :SiedlerVerlag, 1988. 804 S.
15. Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. 5. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1994. 556 S.
16. Adenauer K. Erinnerungen 1955–1959. 4. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1989. 551 S.
17. Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin : SiedlerVerlag, 1992. 700 S.
18. Friede D. Das russische Perpetuum mobile. Würzburg : Marienburg-Verlag, 1959. 244 S.
19. Niedhart G., Altmann N. Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 99–117.
20. Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. 6. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1987. 589 S.
21. Poppinga A. Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1970. 353 S.
22. Schwarz H.-P. Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 // Rhöndorfer Gespräche. Stuttgart / Zürich : Belsler, 1979. Band 2: Entspannung und Wiedervereinigung. S. 18–22.
23. Adenauer-Archiv. Bestand III/54. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.
24. Adenauer-Archiv. Bestand III/25. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.
25. Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. : документы и материалы / отв. ред. А.В. Загорский; Моск. отд-ние Фонда им. К. Аденауэра. М. : Права человека, 2005. 231 с.
26. Adenauer-Archiv. Bestand III/55. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.

Sorokin Aleksei N. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: SorokinAN@omsu.ru

THE SOVIET UNION IN FOREIGN-POLICY CONCEPTION OF ADENAUER

Keywords: German foreign policy; Konrad Adenauer; Cold war.

This article is devoted to the analysis of the Soviet Union's role in foreign-policy conception of federal chancellor Konrad Adenauer, and his images of the USSR. For sources we used published private artistic legacy of Adenauer (his memoirs, speeches, interviews with journalists), and German archival records of Konrad Adenauer Foundation, such as the minutes of meetings with senior foreign politics. Western integration was main foreign policy priority of first federal chancellor of FRG, while the reunion of Germany was not his key and primary goal. At the same time, defensive and anticipating strategy was used towards the USSR. Post-war extending of the Soviet sphere of influence and the Soviet Union's turning into superpower Adenauer saw as the threat, and used permanent position of economically and politically strong West as opposition. Adenauer recognized the USSR politics as continuation of expansion policy of czarist regime, thus he always drew an analogy between foreign policy of the Russian Empire and the Soviet Union. Communism was seen as ideological ground for expansion that replaced Pan-Slavism. Chancellor perceived the USSR as non-European state, more like Asian dictatorship. In Adenauer's opinion, stages of easing of tension and De-Stalinization did not change the nature of Soviet foreign policy. Federal chancellor assumed that current Soviet policy did not carry the direct threat of war. Adenauer's conception of domestic economics was based on expectations of crises in the USSR. Adenauer believed that domestic economic situation and people's claims to improve their social standards of living, in long-term outlook, could put the pressure on Soviet arms programme, and as a result, Soviet politics would gladly cooperate with the West. As external factors, Adenauer underlined the inevitability of the USSR conflict with Red China that could ease Soviet pressure on the Europe. In Konrad Adenauer's persuasions towards the Soviet Union and its foreign policy, we can point on both clear-eyed, understanding assessments and affective prejudices. Easing of tension in the Cold war, to his opinion,

could be obtained not by mutual concessions, but because of the Soviet Union's renunciation and refusal of expansion into the West. Konrad Adenauer believed that the background for curtailment of assertive Soviet policy lied in the need of finding solutions to inner problems (e.g. contradiction of military power and social standard of people's living, and the ballast of Arms race) and in growing tensions with China.

REFERENCES

1. Petelin, B. (2006) Konrad Adenauer: patriarch germanskoy politiki [Konrad Adenauer: Patriarch of German politics]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 3. pp. 142–169.
2. Doering-Manteuffel, A. (1983) *Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963* [The Federal Republic of Germany in the Adenauer era. Foreign Policy and Internal Development 1949–1963]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
3. Schwarz, H.-P. (1971) Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers [The Foreign Policy Concept of Konrad Adenauer]. In: Morsey, R. & Repgen, K. (eds) *Adenauer-Studien I*. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag. pp. 71–108.
4. Adenauer, K. (1983) *Erinnerungen 1959–1963* [Memories 1959–1963]. 3rd ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
5. Sineev, A.A. (2010) *Ot mirovoy voyny k evropeyskomu miru pod egidoy Germanii ("Proekt Adenauera")* [From world war to the European world under the auspices of Germany ("The Adenauer Project")]. Moscow: LKI.
6. Weidenfeld, W. (1976) *Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers* [Konrad Adenauer and Europe. The spiritual foundations of Western European integration policy of the first Chancellor of Bonn]. Bonn: Europa-Union-Verlag.
7. Fröhlich, D. (ed.) (1996) *Von Adenauer zur Grossen Koalition. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland 1956-1966. Eine Dokumentation* [From Adenauer to the Grand Coalition. History of the Federal Republic of Germany 1956-1966. Documentation]. Bonn: InterNationes.
8. Schwarzkopf, D. & Wrangel, O. (1966) *Shansy Germanii. Politika bez illyuziy* [Chances of Germany. Politics without illusions]. Moscow: Progress.
9. Adenauer, K. (1975) *Reden 1917 – 1967. Eine Auswahl* [Speeches 1917–1967. A selection]. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
10. Baring, A. (1969) *Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft* [Foreign Policy in Adenauer's Chancellor Democracy. Bonn's contribution to the European Defense Community]. Munich/Vienna: Oldenbourg.
11. Haftendorn, H. (1983) *Sicherheit und Entspannung: zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982* [Security and Relaxation: Foreign Policy of the Federal Republic of Germany, 1955–1982]. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.
12. Niedhart, G. (1993) Außenpolitik in der Ära Adenauer [Foreign Policy in the Adenauer era]. In: Schild, A. (ed.) *Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50-er Jahre* [Modernization in reconstruction. West German society of the 50s]. Bonn: Dietz. pp. 805–818.
13. Schwarz, H.-P. (1986) *Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952* [Adenauer. The Ascent: 1876–1952]. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
14. Adenauer, K. (1988) *Teegespräche 1959–1961* [Tea Talks 1959–1961]. Berlin: Siedler Verlag, 1988. 804 S.
15. Adenauer, K. (1994) *Erinnerungen 1953–1955* [Memories 1953–1955]. 5th ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
16. Adenauer, K. (1989) *Erinnerungen 1955–1959* [Memories 1955–1959]. 4th Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
17. Adenauer, K. (1992) *Teegespräche 1961–1963* [Tea Talks 1961–1963]. Berlin: Siedler Verlag.
18. Friede, D. (1959) *Das russische Perpetuum mobile* [The Russian Perpetuum mobile]. Würzburg: Marienburg-Verlag.
19. Niedhart, G. & Altmann, N. (1988) Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers [Between Appraisal and Conviction: The Soviet Union in Conrad Adenauer's opinion]. In: Foschepoth, J. (ed.) *Adenauer und die deutsche Frage* [Adenauer and the German question]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. pp. 99–117.
20. Adenauer, K. (1987) *Erinnerungen 1945–1953* [Memories 1945–1953]. 6th ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
21. Poppinga, A. (1970) *Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer* [My memories of Konrad Adenauer] Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
22. Schwarz, H.- P. (1979) Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 [The German political ideas of Konrad Adenauer, 1955–1958]. In: *Rhöndorfer Gespräche* []. Vol. 2. Entspannung und Wiedervereinigung [Rhöndorfer talks. Volume 2. Relaxation and reunification]. Stuttgart/Zurich: Belsler. pp. 18–22.
23. Adenauer Archive. (n.d.) Bestand III/54. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern [Talks with leading foreign politicians]. *Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus*.
24. Adenauer Archive. (n.d.) Bestand III/25. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern [Talks with leading foreign politicians]. *Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus*.
25. Zagorskiy, A.V. (ed.) (2005) *Vizit Kantslera Adenauera v Moskvu 8–14 sentyabrya 1955 g.: dokumenty i materialy* [Chancellor Adenauer's visit to Moscow on September 8–14, 1955: documents and materials]. Moscow: Prava cheloveka.
26. Adenauer Archive. (n.d.) Bestand III/55. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern [Talks with leading foreign politicians]. *Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus*.